

способность общаться в иной культурной среде. Программа предполагает тренинговую часть, направленную на развитие этнокультурной восприимчивости, повышение культурной компетентности и отработку навыков, необходимых для успешного межкультурного взаимодействия.

Список литературы

1. Гачев Г.Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. М.: Академический Проект, 2007. 511 с.
2. Кочетков В.В. Психология межкультурных различий. М.: ПЕРСЭ, 2002. 416 с.
3. Куликова Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур. Красноярск: РИО КГПУ, 2004. 196 с.
4. Стефаненко Т. Этнопсихология «Деловая книга» Екатеринбург; М., 2000. 320 с.
5. Фалькова Е.Г. Межкультурная коммуникация в основных понятиях и определениях: Методическое пособие. СПб.: Факультет филологии и искусств. СПбГУ, 2007. 77 с.
6. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
7. Hofstede G.: Lokales Denken, globales Handeln. Interkulturelle Zusammenarbeit und globales Management. Munchen 2001.
8. Hall E.T. The Silent Language. New York: Doubleday, 1959 (1973).

О.Н. Копытов

ХКИППКСПО, г. Хабаровск

ОБРАЗ ЛЕКТОРА – ОБРАЗ АВТОРА

А.А. Деркач и В.Г. Зазыкин совершенно справедливо пишут: «Возобновляемая часть потенциала личности в настоящее время зависит главным образом от самого субъекта и в гораздо меньшей степени от общества или государства, которое *сейчас не имеет гуманистически ориентированной политики и идеологии*» [3, с. 21] (выделено нами. – О.К.).

Профиль преподавателя вуза включает в себя много компетенций – деловых, моральных, профессиональных, но главной была, есть и еще долго будет способность читать хорошие лекции. Можно долго спорить о том, какое содержание здесь вложить в понятие «хороший», но как минимум это способность возбудить интерес адресата, то есть студентов. Причем делать это регулярно и по возрастающей, прилагая всё увеличивающиеся усилия, что в условиях отсутствия вышеозначенной *внешней* политики и идеологии, может подпитываться только *внутренними* мотивами, установками, лучше – ценностями. И высшей ценностью является *творчество*.

Тогда в образе лектора будут так или иначе проявлены такие акмеологические ключевые понятия, как мастерство, развитие, зрелость, одаренность, способности, креативность, совершенствование, личность, индивидуальность и под. [1, с. 9]. Безусловно, такой образ лектора наиболее социально значим и эффективен. Но сколько таких лекторов в реальности, и как такого образа добиться? Вот в чем вопрос. Даже не проводя специальных исследований с достаточными выборками и под., мы можем утверждать – очень немного. Преподаватели вузов неохотно пускают коллег на свои занятия, но, тем не менее, за четверть века в профессии у нас накопилось достаточно данных, говорящих и о нейтральных, и о негативных, и о крайне негативных образах лекторов. К сожалению, сегодня немало последних. Тех, кто из-за определенных психофизических свойств (темперамент без малейшей искорки, плохая дикция, неряшливость в одежде и под.), но главное – в силу крайне низкой мотивации, из-за следования простейшим своим ценностям – выживания и «силы», к примеру, – читает плохие лекции, имеет образ плохого лектора. Расшифруем эти простейшие ценности. Государство только декларирует (уже скоро как 25 лет – шаг поколения) повышение зарплаты, а стало быть, нормальный (средний) уровень жизни среднего преподавателя вуза. На деле зарплата относительно иных профессий низка и добираться до среднего уровня своей и своей семьи жизни лектору среднего статуса приходится, совмещая несколько мест службы. Вот упрощенный вариант: трудовая книжка у него лежит в одном вузе много лет (порой со времен ассистента кафедры), полная ставка у него здесь же, но совместителем и/или почасовиком он еще где-то, а в целом работал еще в пяти, а то и десяти местах, причем наряду с основной дисциплиной (чему его учили, и по номенклатуре которой он написал кандидатскую), в его лекторском запасе еще пять, а то и десять учебных дисциплин, зачастую отстоящих друг от друга, например, на дистанцию, отделяющую историю литературы от социологии молодежи. Ценность (в узком смысле) жизни (выживания) для него выше даже ценности упорядоченности и нормы, ибо при таком положении дел ему часто приходится либо наспех и сыро готовить компиляции чужих пособий и учебников, либо (в эпоху Интернета это не сложно) пользоваться чужими курсами и циклами лекций (забытые кем-то такого рода распечатки нам приходилось находить, приходя в аудиторию после коллег). Ну, а отсутствие к себе подлинного интереса со стороны студентов компенсируется «силой» – то есть как бы «строгостью» на экзаменах и зачетах, на самом деле – придирами. Об-

раз такого лектора адресатом так или иначе демонизируется, конспекты «лекций» такого лектора никому не нужны.

Образ лектора как «очень взрослого студента-отличника», то есть того, кто тщательно сам прочитал все источники и сделал из них в качестве лекции крепкую выжимку, но никакого особого отношения к излагаемому материалу, а тем более эмпатии к студентам не проявил, редко воспринимается адресатом-аудиторией как «плохой», скорее, как нейтральный. Такой лектор жив во все времена.

Поворот в сторону хорошего лектора начинается тогда и только тогда, когда *за образом лектора явно проглядывает образ автора*. Автор прямо заинтересован в успехе, а успех начинается с интереса публики. Автор прямо заинтересован в развитии успеха, а он невозможен без собственного развития. Автор так или иначе включает личную ответственность, самоконтроль и самокритику, потому что он исповедует одну из высших ценностей – творчество. Студентами образ лектора как образ автора ощущается интуитивно и эмоционально. Как найти объективные критерии к образу лектора как образу автора?

Прежде всего, нацеленностью лектора на то, что *его курс лекций обретет форму книги*. В идеале в этом случае лектор на своих занятиях апробирует то, что он затем в виде книги курса лекций (или иного жанра) хочет оставить после себя в вечности. Примеров таких книг курсов лекций много, один из самых ярких – «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра, одного из основоположников семиотики, – который был издан учениками великого ученого на основе конспектов лекций после его смерти. Есть и современные примеры. Сегодня и вчера редко какая монография или статья по семантическому синтаксису обходится без ссылки на тонкую, но такую значимую книгу Т.В. Шмелевой «Семантический синтаксис: Текст лекций» [5]. В Дальневосточном федеральном университете на протяжении ряда лет особым успехом пользовались лекции доцента кафедры теософии и религиоведения Ю.Н. Кабанкова. Он еще и известный поэт и публицист, член правления Союза писателей России, и в этом случае совершенно естественно, что его образ автора текста и лектора (и наоборот) находятся в постоянном взаимодействии. Но одним из выходов лектора в авторы (и наоборот) в этом случае стал аудиодиск в формате mp3 «Беседы о Православии и русской культуре» продолжительностью 33 ч. 25 мин., содержащий 40 лекций. В нашем архиве есть положительные отзывы об этом диске из Москвы, Харькова, Саратова и, разумеется, из Владивостока. В

2010 г. в Хабаровском государственном институте искусств и культуры психологической службой был составлен рейтинг преподавателей общих дисциплин. Он был проведен методом опроса студентов, которые оценивали своих преподавателей по нескольким позициям, в том числе «владение своим предметом» и «умение выразительно и ясно его преподнести». Три преподавателя получили рейтинг от 80% до 90%, 7 преподавателей – ниже 40%, 28 разместились посередине, а один получил рейтинг в 100%. И именно у него были свежие *пособия на основе его лекций* по всем дисциплинам, которые он читал на отделениях и потоках, тогда как у преподавателей с наименьшим рейтингом никаких книг и даже статей на основе лекций не было.

Есть и методы, которые выявляют автора через анализ его текста. Один из них – лингвистический метод экспликации модусных значений в тексте, разработанный нами в кандидатской диссертации и развитый в ряде статей. Наиболее сильно образ автора проявится тогда, когда мы зафиксируем в его тексте сложные модусные перспективы [4] – логические, эмоциональные и выразительные линии, по которым из отдельного высказывания распространяются определенные модусные смыслы на определенные дистанции текста, решая задачи воплощения авторских интенций: оценки предметов и явлений, их достоверности или не достоверности, чаще – именно с точки зрения того или иного источника информации, кроме того, вообще прочертание линий нескольких разных источников информации; изменения предметов и явлений во времени и пространстве, сравнения их действительных и/или возможных состояний; линии самокомментирования автором композиции и содержания своего текста (метатекст в тексте) и т.д.

Именно такой автор, который, согласно определению его образа В.В. Виноградовым, является «концентрированным воплощением сути произведения» [2, с. 118], причем социально значимого, интересного, достойного произведения-лекции, акмеологически наиболее целен.

Список литературы

1. Акмеология / под ред. А.А. Деркача. М.: Изд-во РАГС, 2002. 650 с.
2. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 239 с.
3. Деркач А.А., Зазыкин В.Г. Акмеология: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2003. 256 с.
4. Копытов О.Н. О сложных модусных перспективах // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2012, № 5. М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 175 – 183.
5. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск, 1988. 54 с.